

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-1-15-25

EDN: DTINAQ

Научная статья / Research article

«Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775): лингвокультурологический аспект

В.Т. Михайлов^{ORCID}, Е.Г. Ласточкина^{ORCID}✉

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

✉ antrolea@mail.ru

Аннотация. Вторая половина XVIII в. характеризуется созданием основы новой социокультурной модели для развития межнациональных отношений в Российском государстве, декларацией идей самобытности национальных культур и веротерпимости, более активным привлечением инородческого населения в общероссийский образовательный процесс. Произошло историческое событие в просвещении народов Урало-Поволжского региона: мари, чувашей и удмуртов. Это связано с появлением первых научно обоснованных грамматик марийского, удмуртского и чувашского языков, сыгравших важную роль в становлении письменности и книгоиздательского дела на родном языке этих народов. Цель исследования — анализ лексического состава марийской грамматики «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка», 1) выявлявшего ценные сведения об основных закономерностях становления лексики не только по определенным тематическим группам, но и всего словарного состава марийского языка; 2) отражавшего материальную и духовную культуру народа мари, его быт и хозяйственную деятельность, способы постижения им окружающей действительности и значительную часть его языковой картины мира. Этим обусловлена актуальность настоящей научной статьи. В ходе работы применены дескриптивно-аналитический метод и его приемы: наблюдение, интерпретация, классификация, обобщение, систематизация явлений и фактов, а также метод сплошной выборки фактического материала. Выявлено, что первая грамматика марийского языка сыграла особую роль в развитии марийской письменности. Ее материалы послужили основой для учебного пособия по элементарной грамоте для марийских детей в миссионерских школах, а также будущих священнослужителей марийскому языку. С нее начинается история марийской письменности и, как следствие, зарождение книгоиздательского дела на национальном языке.

Ключевые слова: марийская грамматика, письменность, лексический состав, морфология, материальная и духовная культура

© Михайлов В.Т., Ласточкина Е.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2024; принята к печати 12.12.2024.

Вклад авторов: *Михайлов В.Т.* — концепция исследования, аннотация, сбор и обработка материала, Заключение; *Ласточкина Е.Г.* — обзор литературы, сбор и обработка материала, составление списка литературы, перевод на английский язык.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Михайлов В.Т., Ласточкина Е.Г.* «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775): лингвокультурологический аспект // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 15–25. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-15-25>

“Works Belonging to the Grammar of the Cheremis Language” (1775): Linguocultural Aspect

Vitaly T. Mikhailov^{ORCID}, Elena G. Lastochkina^{ORCID}✉

Mari State University, *Yoshkar-Ola, Russian Federation*

✉ antrolea@mail.ru

Abstract. The second half of the 18th century is characterized by the creation of the basis for a new socio-cultural model for the development of interethnic relations in the Russian state, the declaration of the ideas of the originality of national cultures and religious tolerance, and a more active involvement of the foreign population in the all-Russian educational process. A historic event occurred in the education of the peoples of the Ural-Volga region: the Mari, Chuvash and Udmurts. This is due to the appearance of the first scientifically substantiated grammars of the Mari, Udmurt and Chuvash languages, which played an important role in the development of writing and book publishing in the native languages of these peoples. The purpose of this study is to analyze the lexical composition of the Mari grammar “Works Belonging to the Grammar of the Cheremis Language”, 1) revealing valuable information about the main patterns of vocabulary formation not only in certain thematic groups, but also the entire vocabulary of the Mari language; 2) reflecting the material and spiritual culture of the Mari people, their way of life and economic activity, the ways of understanding the surrounding reality and a significant part of their linguistic picture of the world. This determines the relevance of this scientific article. In the course of the work, the descriptive-analytical method and its techniques were used: observation, interpretation, classification, generalization, systematization of phenomena and facts, as well as the method of continuous sampling of factual material. It was revealed that the first grammar of the Mari language played a special role in the development of the Mari written language. Its materials served as a teaching aid in teaching Mari children elementary literacy in missionary schools, as well as future clergymen the Mari language. It marks the beginning of the history of the Mari written language and, as a consequence, the emergence of book publishing in the national language.

Key words: Mari grammar, writing, vocabulary, morphology, material and spiritual culture

Article history: received 12.10.2024; accepted 12.12.2024.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors' contributions: *Mikhailov V.T.* — research concept, abstract, collection and processing of material, Conclusion; *Lastochkina E.G.* — literature review, collection and processing of material, compilation of the bibliography, translation into English.

For citation: Mikhailov, V.T., and E.G. Lastochkina. 2025. “Works Belonging to the Grammar of the Cheremis Language” (1775): Linguocultural Aspect.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (1), 15–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-15-25>

Введение

Рождение печатного текста у народов Урало-Поволжского региона России, в том числе и марийского народа, тесно связано, прежде всего, с попытками учить их грамоте в составе российского государства со времени завоевания им многонационального Казанского ханства. В этих целях в 1555 г. была учреждена Казанская православная епархия. Ею начат процесс русификации и христианизации инородческих (нерусских) народов Российской империи. В то же время основное внимание уделялось религиозно-образовательным мероприятиям, включавшим в себя строительство церквей, монастырей и открытие духовных школ, подготовку местных священнослужителей и миссионеров.

Все же приемы обучения в этих школах были неэффективными, поскольку преподавание велось на непонятном для инородческих детей русском языке. Это приводило к тому, что основной формой обучения стало механическое заучивание материала без осознанного усвоения. Уже в первой половине XVIII в. стало ясно, что такой подход не приносит желаемых результатов. В этой связи возникла необходимость изменить методику обучения с упором на родной язык учащихся, что, в свою очередь, предполагало и составление учебников и пособий. Впервые на уровне государства о необходимости «книги нужные перевести на их язык»¹ было заявлено Петром I в конце его жизни в 1724 г.

Значительные изменения в национальной политике Российской империи произошли в период правления Екатерины II, ознаменовавшиеся выдающимися событиями в социокультурной жизни нерусских народов, итогом которых стало появление первых научно обоснованных грамматик чувашского, черемисского (марийского) и вотского (удмуртского) языков. В итоге у этих народов зарождается письменность на основе кириллицы и, как следствие, на национальных языках — книгоиздательское дело. Вместе с тем материалы грамматик послужили и как учебное пособие при обучении в миссионерских школах инородческих детей элементарной грамоте, а также при подготовке будущих священнослужителей.

Цель исследования — анализ лексического состава марийской грамматики «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка» в аспекте лингвокультурологии. В рамках этого предполагается раскрытие важных направлений становления и развития словарного состава марийского языка в указанный период, выявление особенностей хозяйственной деятельности народа мари, его материальной и духовной культуры, восприятия им окружающей действительности, отраженных в материале данного источника.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 года по 12 декабря 1825 года. 48 т. Указ. Т. VII. 1723–1727. Санкт-Петербург : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 924 с. С. 207

В процессе исследования применены дескриптивно-аналитический метод и его приемы: наблюдение, интерпретация, классификация, обобщение, систематизация явлений и фактов, а также метод сплошной выборки фактического материала.

В работе на основе материалов грамматики выявлены основные тенденции развития словаря этого периода, а также степень воспроизведения в нем быта и хозяйственной деятельности марийского народа, его материальной и духовной культуры, что являлось демонстрацией способов постижения им окружающей действительности и отражением значительной части его языковой картины мира.

Результаты и обсуждение

Осознание царским правительством и миссионерами во второй половине XVIII в. того, что путь к христианскому просвещению инородцев прокладывается через родное слово, натолкнуло на мысль о необходимости обучения на родном языке. Это выдвинуло перед ними задачу составления учебных пособий, грамматик и словарей на языках народов Урало-Поволжского региона. В этой связи произошло важное событие в истории изучения и развития языков коренных народов Российской империи: создание первых грамматических трудов по чувашскому, марийскому и удмуртскому языкам — «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ чувашскаго языка» (1769)², «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775)³ и «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» (1775)⁴.

Ключевую роль в этом процессе сыграл архиепископ В. Пуцек-Григорович. Являясь ректором Казанской духовной семинарии, он активно занимался изучением языков местных народностей с целью их успешной христианизации. Впоследствии, отмечая важность знания языков народов Среднего Поволжья, В. Пуцек-Григорович писал: «Когда многіе для разныхъ причинъ желаютъ знать языки не только ближнихъ, но и отдаленныхъ, не только нынешнихъ, но и прежде бывшихъ народовъ; то кольми паче надлежитъ намъ стараться довольно узнать языки тѣхъ народовъ, которые между нами внутрь предѣловъ единого отечества обитають и составляютъ часть общества нашего. Не одно насъ любопытство, но и польза къ тому поощрять должна, которая очевидна всякому, кто съ ними обращается»⁵. Эти его труды не только способствовали распростране-

² Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ чувашскаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1769. 68 с.

³ Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ черемискаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 136 с.

⁴ Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 113 с.

⁵ Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ чувашскаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1769. 68 с.

нию православия среди нерусских народов, но также заложили основу для дальнейшего научного исследования этих языков. В целом выпуск первых грамматик стал значимым событием как для самих народов, так и для российской науки того периода.

Чувашскую грамматику, присланную от Вениамина (Пуцек-Григоровича), было приказано напечатать Академической типографии 12 января 1769 г. в количестве 600 экз.

Через год, в марте 1770 г., в журнале Академической комиссии было записано распоряжение напечатать по 300 экз. грамматик вотского и черемисского языков, присланных от В. Пуцек-Григоровича. В продажу они были пущены только в декабре 1775 г. Первая публикация о продаже обеих грамматик появилась в «Санкт-Петербургских ведомостях» в № 67 за 19 августа 1776 г.⁶

Очевидно, черемисская и вотская грамматики составлялись параллельно с грамматикой чувашского языка, ибо через год после появления чувашской грамматики они были готовы к изданию. К тому же в предисловии к чувашской грамматике В. Пуцек-Григорович писал, что «нѣтъ сомнѣнія, что и другіе ему стануть въ сем дѣлѣ послѣдовать»⁷, т.е. он уже знал о готовящихся рукописях грамматик марийского и удмуртского языков. Вениамин также замечает, что «начало часто подвержено недостаткамъ; однако при семъ нѣтъ той опасности, чтобы оныя со временемъ не были исправлены безъ всякаго ущерба. Желать остается, чтобы достигли мы въ семъ и через сіе до того совершенства, которое требуется отъ людей благоразумныхъ при начинаніи всякаго труда»⁸.

Действительно, последующие грамматики получились более совершенными и объемными, чем первая. В частности, если чувашская грамматика была издана объемом в 68 страниц, то удмуртская — 113, а марийская — 136 страниц.

Значительная задержка с изданием грамматик марийского и удмуртского языков объясняется, на наш взгляд, несколькими взаимосвязанными обстоятельствами.

Во-первых, у В. Пуцек-Григоровича складывались непростые отношения с императрицей Екатериной II. С одной стороны, он поддерживал приверженность императрицы идеям Просвещения, которые были популярны в Европе того времени, ее просветительские идеи, направленные на образование простого народа, включая недавно принявших христианство инородцев. С другой — проявлял осторожность и заботу в национальных вопросах, осо-

⁶ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800. Том 1 : А–И. Москва : Изд. государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1962. 436 с. С. 150.

⁷ Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка / Предисловіе. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 113 с.

⁸ Там же.

бенно касающихся инородцев Казанского края, стремился отстаивать их интересы, понимал важность сохранения культурного разнообразия и уважения к местным традициям. Эти народы, по его мнению, «между нами внутри предѣловъ единого отечества обитають и составляютъ часть общества нашего»⁹. Созданием первых грамматик марийского, удмуртского и чувашского народов В. Пуцек-Григорович преследовал и другую цель: «чтобы симъ способомъ показать имъ и вперить въ нихъ мысли, что они суть члены тѣла нашего, что они наше сограждане, и что мы ихъ иначе и не почитаемъ»¹⁰. Безусловно, такой взгляд автора грамматик не всегда совпадал с официальной точкой зрения.

Во-вторых, в начале 1770-х гг. в Российской империи сложилась напряженная социально-политическая ситуация. В 1771 г. Центральную часть России, Москву и ее окрестности поразила чума. Страшная болезнь перекинулась и в Казанскую губернию, нанося огромный ущерб людским ресурсам.

Далее, в 1773 г. под предводительством Е. Пугачева вспыхнуло самое массовое крестьянское восстание. Вениамин стал жертвой клеветы и обвинений в том, что якобы поддерживал связь с Пугачевым и даже помогал ему. Эти обвинения были особенно опасны для церковного деятеля, так как пугачевское восстание воспринималось властями как серьезная угроза государственному порядку. Несмотря на отсутствие доказательств, его арестовали и отправили в Санкт-Петербург для проведения расследования.

Следствие длилось около четырех месяцев, но не смогло найти никаких подтверждений вины архиепископа. В результате в феврале 1775 г. Вениамин был реабилитирован. Также была освобождена из-под ареста его рукопись грамматики марийского языка и впоследствии издана в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук.

Первая грамматика марийского языка для своего времени представляет солидную научную работу. В ней содержится довольно обширное описание грамматического (морфологического) строя марийского языка и значительный лексический материал: словарь объемом более одной тысячи слов, ставший по существу первым опытом по марийской лексикографии.

Грамматическая часть «Сочинений...» представляет собой элементарный курс морфологии, где исследуются такие части речи, как имена существительное, прилагательное и числительное, а также глагол, наречие, местоимение, междометие и предлог. Более детально анализируются имя существительное и глагол.

Изучение имени существительного начиналось с информации о том, что «Къ имени въ Черемискомъ разговорѣ принадлежитъ склоненіе, число, падежъ и удареніе.

⁹ Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 113 с.

¹⁰ Там же.

Всѣ имена Черемискія надлежатъ до двухъ склоненій, которыя различаются по окончанію и ударенію *Именительнаго* падежа»¹¹.

Автор первой грамматики считал, что в марийском языке существует шесть падежей (так же как и в латинском языке): «*Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Зпательный, и Тпорительный*» (с. 1) (Курсив здесь и далее наш. — В.М.).

Последующие нехарактерные для марийского языка два падежа (звательный и творительный) он определил, по-видимому, исходя от норм латинского языка, где выделяют также шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и звательный. При составлении марийской грамматики опора автора на этот язык, вероятно, связана с тем, что в свое время В. Пуцек-Григорович преподавал учащимся семинарии латинский язык. В современном марийском языке определяют 9 падежей: кроме первых четырех падежей — сравнительный, совместный, местный, направительный и обстоятельственный.

Первоначальной информацией о глаголах марийского языка являлись следующие положения: «При глаголѣ въ Черемискомѣ разговорѣ примѣчать должно слѣдующее:

Глаголы в Черемискомѣ разговоре всѣ кончатся на *амь, ямь и емь*, и оныя раздѣляются на два спряженія.

Кончащіяся на *амь* и *ямь*, надлежат до первого, кончащіяся на *емь* до второго спряженія.

Понеже глаголы в Черемискомѣ разговорѣ удареніе всѣ имѣють на послѣднемъ слогѣ, то когда в прошедшемъ совершенномъ времени послѣдній слогъ перемѣняется, удареніе у всѣхъ на предпослѣднемъ слогѣ настоящаго времени переносится, например, *нумалáмь* ‘несу’, прошед. соверш. *нумáлемь*; *утарémь* ‘свобождаю’, прошед. соверш. *утáрышымь*» (с. 72).

Лексические единицы были расположены по частям речи и соответственно обозначали понятия согласно тем лексико-грамматическим разрядам, для подтверждения которых они представлялись. Например, лексика, выраженная именем существительным, обозначала:

1) абстрактные понятия: *юму* ‘бог’, *тильномь* ‘небо’, *сандалыкъ* ‘вселенная’ (с. 54), *цонь* ‘душа’, *эрекь* ‘воля’ (с. 55);

2) родственные отношения и половозрастные характеристики человека: *атя* ‘отец’, *аба* ‘мать’, *эрге* ‘сын’, *юдюрь* ‘дочь’, *куатя* ‘дед’, *кугу-аба* ‘бабушка’ (с. 56), *изя* ‘брат’, *шоліо* ‘младший брат’, *ака* ‘старшая сестра’, *куака* ‘тетя’, *тугуларь* ‘сват’, *маре* ‘муж’, *вате* ‘жена’ (с. 57);

3) части тела человека и проявления его организма (соматическая лексика): *вуй* ‘голова’, *санга* ‘лоб’, *шиндза* ‘глаза’, *шинза-ауль* ‘ресницы’, *нерь* ‘нос’, *нерь-рожь* ‘ноздри’, *умша* ‘рот, уста’, *тюрбю* ‘губа’ (с. 58);

¹¹ Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка. Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1775. 136 с. С.1.

4) землю и продукты земледелия: *рок* в значении ‘земля’, *шунь* ‘глина’, *ошна* ‘песок’, *анга* ‘загон, полоса’, *курукь* ‘гора’ (с. 60), *ага* ‘пашня’, *ага вуй* ‘плуг’, *килта* ‘сноп’, *шидань* ‘пшеница’, *уржа* ‘рожь’ (с. 61);

5) названия пищи и овощей: *кинде* ‘хлеб’, *ложашь* ‘мука’, *пурусь* ‘перец’, *шербаль* ‘сметана’, *шилъ* ‘мясо’, *коголиб* ‘пирог’ (с. 63), *ушмень* ‘свекла’, *шогань* ‘лук’, *укра* ‘чеснок’, *киярь* ‘огурец’, *немецъпурса* ‘боб’, *кицке* ‘ягода’ (с. 62) и т.д.;

6) флору и фауну: *кожъ* ‘ель’, *пюнджо* ‘сосна’, *ваитарь* ‘клен’, *нолго* ‘илем’, *пизле* ‘рябина’ (с. 64), *шордо* ‘лось’, *пючю* ‘олень’, *маска* ‘медведь’, *тюе* ‘верблюд’, *луй* ‘куница’ (с. 67), *кишке* ‘змея, уж’ (с. 64), *шигшале* ‘ящерица’, *кутко* ‘муравей’, *коля* ‘мышь’, *ужаба* ‘лягушка’ (с. 65), *канкъ* ‘птица’, *курнушь* ‘коршун’, *вараксень* ‘ласточка’ (с. 65), *мюкиш* ‘пчела’, *шинга* ‘комар’, *орашина* ‘муха’ (с. 67);

7) домашних животных: *волюк* ‘скот’, *юшкюжь* ‘бык’, *ушкаль* ‘корова’, *презе* ‘теленок’, *кезе* ‘коза’, *сосна* ‘свинья’, *имне* ‘лошадь’, *ожо* ‘жеребец’, *волю* ‘кобыла’, *пи* ‘собака’, *прысь* ‘кошка’ (с. 68);

8) метеонимы (метеорологическая лексика): *пиль* ‘облако’, *кюдюрцо* ‘гром’, *волгондо* ‘молния’ (с. 54), *шокшо* ‘жарко’, *лумь* ‘снег’, *мардежь* ‘ветер’, *юръ* ‘дождь’ и т.д.

Прилагательные обозначали:

1) качества личности человека: *сай* ‘хороший’, *осаль* ‘злой’, *ушан* ‘умный’, *эрекань* ‘свободный’, *сулукань* ‘грешный’, *тажа* ‘здоровый’, *цоя* ‘лицемерный, хитрый’ (с. 44), *пуро* ‘добрый’ (с. 45);

2) возраст человека: *шонго* ‘старый’ (с. 44), *самырыкь* ‘молодой’ (с. 45);

3) размер предмета: *кугу* ‘большой, великий’, *изи* ‘малый, маленький’ (с. 44), *тигиде* ‘мелкий’, *шолдыра* ‘крупный’, *кужо* ‘длинный’, *кютюкь* ‘короткий’, *вицкижь* ‘тонкий’, *кюжго* ‘толстый’, *тигиде* ‘мелкий’, *шолдыра* ‘крупный’ (с. 45);

4) оттенки цвета: *волгодо* ‘светлый’ (с. 44), *ошо* ‘белый’, *шеме* ‘черный’, *йошкарге* ‘красный’, *канде* ‘синий’ (с. 45) и т.д.

Лексический состав глаголов в основном обозначал хозяйственную деятельность мари: *агамлиштемь* ‘пашу’, *юдемь* ‘сею’ (с. 130), *шюремь* ‘бороню’, *туредамь* ‘жну’, *мушкамь* ‘мою, стираю’, *олмоктель* ‘чиню’ (с. 126), *ургемь* ‘шью’, *юштамь* ‘мету, подметаю’ (с. 147) и т.д.

Из приведенных примеров видно, что представленная лексика первой грамматики отличается от литературных вариантов современного марийского языка в основном фонетическим оформлением. Одним из достоинств первой грамматики является более-менее правильная передача звуков слов марийского языка. Тем не менее некоторые слова переданы так искаженно, что без перевода их трудно распознать, например: *юрломашь* ‘нищета’ (совр. *йорльлык*, *нужналык*); *юбюртюмашь* ‘радость, веселье’ (с. 56) (совр. *йывыртываши*); *пюнджо* ‘сосна’ (совр. *пүнчö*); *канкъ* ‘птица’ (совр. *кайык*).

Возможно, в слове *канкъ* произошла опечатка: вместо буквы *й* (или *и*) была напечатана буква *н*, ибо в производном от него слове *пюрт-каикъ* ‘воробей’ (с. 65) слово *каикъ* пишется с буквой *и*.

Далее, в грамматике обнаруживаются как лексические, так и фонетические единицы, характерные для всех наречий марийского языка. По-видимому, составитель при отборе языкового материала стремился к тому, чтобы он был доступен для понимания представителями всех диалектов. Грамматика была рассчитана как пособие не только для изучающих марийский язык в миссионерских целях, но и как учебник в новокрещенских школах для учащихся мари из разных регионов России. В частности, примеры типа *кизитъ* ‘сейчас’ (с. 133), *минь кичалам иле* ‘я искал’ (с. 91), *шиже* ‘осень’ (с. 55), *кине* ‘конопля’ (с. 62), *винерь* ‘холст’ (с. 70) (совр. *вынер*) указывают на произношение слов с полногласным *и* вместо редуцированного гласного заднего ряда *ы*, что характерно для восточного диалекта марийского языка. На восточный диалект указывают и местоимения *минь* ‘я’, *тынъ* ‘ты’ (с. 48), *мининь* ‘мой’, *тынинь* ‘твой’ (с. 52).

Лексическим материалом для грамматики послужил в основном цокающий диалект марийского языка, что характерно для горномарийского и северо-западного наречий, а также для йошкар-олинского говора лугового наречия: *цоя* ‘хитрый, лукавый’, *цаль* ‘седой’ (с. 44), *церь* ‘болезнь’ (с. 60), *кицке* ‘ягода’ (с. 62) и т.д.

Хотя в грамматике не было алфавита, однако в лексическом составе были отражены следующие начертания букв: *а, е, и, і, о, ѓ, у, ы, э, ю, я, б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ц, ч, ш, щ, ь, ь*. Тем самым было положено начало созданию самостоятельного марийского алфавита на основе кириллицы.

В основе марийской орфографии в грамматике утвердились два принципа – морфологический (морфемный) и фонетический, что позволило вполне удовлетворительно отражать особенности марийской фонетики на письме. Например:

цонъ	нонъ	душа
щюдюръ	рюнъ	звѣзда
кече	нъ	день
эръ	ренъ	утро
туль	нъ	огонь
покшомъ	монъ	морозъ, иней
паша	нъ	дѣло (с. 55)

Для обозначения фонетических особенностей при написании марийских слов В. Пуцек-Григорович использовал диграф *іѓ* для обозначения звуков *ѓ*: *міѓръ* ‘клубника’ (с. 62), *ы* после мягкого согласного: *воліѓкъ* ‘скот’ (с. 68) и звукосочетания *йо*: *іѓмакъ* ‘сказка’ (с. 56), а также букву *г*, которая обозначала одновременно смычно-взрывной заднеязычный звонкий согласный *г*: *менге*

‘столб’ (с. 60), фрикативный *z*: *aga* ‘пашня’ (с. 61), а в сочетании с согласным *n* передавала заднеязычный носовой *n = ŋ*: *onga* ‘доска’ (с. 69) [1, с. 214].

Достоинством первой грамматики является и то, что правописание конечных безударных гласных в общих чертах было правильным: конечные безударные гласные в произношении уподоблялись по ряду и огубленности-неогубленности ударному гласному: *шокшо* ‘теплота’ (с. 55), *кече* ‘солнце’ (с. 56), *пошкудо* ‘соседь’ (с. 57), *тюрби́д* ‘губа’ (с. 58), *шюли́д* ‘овесъ’ (с. 61). Это явление (ассимиляция гласных) в марийском языке позднее получило название «лабиальная (губная) гармония» и в новое время было принято в качестве орфографической нормы современного литературного языка.

Безусловно, словарь далеко не полно отражал лексический состав марийского языка того времени, имеются случаи неправильного перевода и ряд неточностей в графической передаче. Но для понимания изменчивости лексического состава он имеет большое значение, ибо в нем отражено много архаизмов, вышедших впоследствии из употребления. К примеру, такие слова: *тюмемь* ‘миллион’ (с. 47), *нюгарь* ‘раб, слуга’ (с. 57), *танькь* ‘свидетель’ (с. 57), *тагдуиш* ‘приятель’ (с. 57), *цапкынъ* ‘почтарь’ (с. 57), *тюльгень* ‘ястреб’ (с. 66), *тюре* ‘верблюд’ (с. 67), *лепшь* ‘колыбель’ (с. 69) и т.д. в настоящее время для широкого круга носителей языка непонятны. Поэтому фиксация их в грамматике представляет огромную ценность не только для отражения лексического состава марийского языка XVIII века, но и для современных исследователей языка, культуры и быта марийского народа в контексте исторического прошлого.

Некоторые из представленных слов к настоящему времени подверглись значительному изменению или приобрели другое значение. Например, слово *нерге* (с. 56) в первой грамматике переводится как ‘порядок’, а в современном марийском языке *нерге* — ‘насморк’; *азринь* ‘смерть’ (с. 56), совр. *азырен* — в значении ‘смерть, дьявол, плохой человек’; *яклака* ‘молодец’ (с. 57) — совр. *яклака* ‘скользящий’; *танькь* ‘свидетель’ (с. 57) (это слово в современный марийский язык было введено вновь в 1990-е гг.); *туякь* ‘чтец’ (с. 58), совр. — *лудишо*, *лудшыенг*; *туль кю* ‘кремень’ (с. 60), совр. *тулгү*, *чакмагү* ‘кремень’; *сайлемь* ‘украшаю’ (с. 125), совр. *сайлем* ‘выбираю’; *агам лиштемь* ‘пашу’ (с. 126) совр. — *куралам*; *кингамь юктемь* ‘читаю книгу’ (с. 128), совр. — *кигам лудам*; *азаплемь* ‘удивляюся’ (с. 128), совр. *азап* ‘беда, бедствие, несчастье’ и т. д.

Заключение

Первая грамматика марийского языка 1775 г. сыграла важную роль в развитии марийской письменной культуры и становлении книгоиздательского дела на марийском языке. Заложенные в ней фонетический и морфологический принципы марийской орфографии стали основой для последующих изданий и учебных пособий. Грамматика служила учебником для обучения

марийских детей и подготовки священнослужителей к работе на марийском языке. Кроме того, материалы грамматики давали ценные сведения для выявления основных закономерностей становления лексики не только вышеназванных тематических групп, но и всего словарного состава марийского языка того периода, а также отображали материальную и духовную культуру мари, хозяйственную деятельность и быт, являлись демонстрацией способов постижения им окружающей действительности и отражением значительной части его языковой картины мира.

Таким образом, издание первых грамматик чувашского, марийского и удмуртского языков в 1769–1775 гг. стало важным этапом в просвещении народов Урало-Поволжского региона: мари, чуваш и удмуртов, а также первоначальной ступенью развития их письменной культуры. Этот процесс был связан с историческими изменениями, происходившими в регионе на протяжении нескольких столетий.

Список литературы

1. *Лаврентьев Г.И.* История марийского письма. Поправки и дополнения // *Linguistica Uralica*. XL. 2004. № 3. С. 213–223.

References

1. Lavrentiev, G.I. 2004. “The history of the Mari letter. Amendments and additions.” *Linguistica Uralica* (XL) no. 3, pp. 213–223. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Михайлов Виталий Тимраевич — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий учебно-методической лабораторией «Марийская школа», Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4757-0085>, eLibrary SPIN-код: 2874-1164. E-mail: vitatim@yandex.ru

Ласточкина Елена Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы, Марийский государственный университет, Российская Федерация, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7081-1982>, eLibrary SPIN-код: 2655-5093. E-mail: antrolea@mail.ru

Bio notes:

Vitaly T. Mikhailov is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the educational and methodological laboratory “Mari School”, Mari State University, Yoshkar-Ola. 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-4757-0085. eLibrary SPIN-code: 2874-1164. E-mail: vitatim@yandex.ru

Elena G. Lastochkina is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Mari Language and Literature, Mari State University, Yoshkar-Ola. 1 Lenin Sq, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7081-1982, eLibrary SPIN-code: 2655-5093. E-mail: antrolea@mail.ru